

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИЧНОСТИ КАК КРИТЕРИЮ ДОПУСТИМОСТИ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ДОПРОСА

***Аннотация:** Статья посвящена исследованию подходов ученых, а также практических работников к пониманию этичности как одного из критериев допустимости тактических приемов допроса. Анализируются взгляды ученых относительно допустимости обмана при проведении допроса. Обосновывается допустимость тактического маневрирования информацией при проведении допроса.*

***Ключевые слова:** этичность, обман, следственные хитрости, маневрирование информацией, тактические приемы допроса.*

***Annotation:** The article is devoted to the study of the approaches of scientists, as well as practitioners to the understanding of ethics as one of the criteria for the admissibility of tactical interrogation techniques. Analyzed the views of scientists regarding the admissibility of fraud during interrogation. The admissibility of tactical information maneuvering during interrogation is justified.*

***Key words:** ethics, deception, investigative tricks, information maneuvering, interrogation tactics.*

Этичность как критерий допустимости тактических приемов является, пожалуй, наиболее дискуссионным, а установленные им запреты – спорными. Это обусловлено тем, что, во-первых, нередко, «принимая то или иное

решение, следователь иногда осознает, что избранный им в соответствии с одной нравственной нормой тактический прием воздействия в конкретной ситуации ведет к одновременному нарушению другой нравственной нормы, вытекающей из той же системы ценностей»¹. В результате такой конкуренции нравственных норм возникает нравственный конфликт, разрешение которого при сохранении обеих ценностей не представляется возможным. Исходя из этой общей посылки, авторы предлагают различные варианты разрешения ситуации, одни из которых достаточно конкретны, другие наоборот носят слишком общий характер. Мы разделяем точку зрения Н.П. Хайдукова о том, что «целесообразным и морально оправданным будет нравственный компромисс, т.е. такое тактическое решение, которое направлено на сохранение наиболее значимой в данной ситуации ценности»². Значимость нравственной ценности, а также выбор способов ее достижения или сохранения с позиции этической допустимости, по мнению Е.И. Замылина и Н.В. Кальченко, является результатом «глубоко субъективного морального выбора в соответствии с собственной ценностной ориентацией»³. В подобной ситуации от следователя требуется особая осторожность, тактичность, индивидуальный подход, дипломатичность. При отсутствии указанных качеств, формальном подходе, «в неумелых грубых руках, не только применение тактических приемов, ... но и вся следственная деятельность может явиться законной формально и издевательской по существу»⁴.

Во-вторых, в литературе то прекращаются, то возникают вновь дискуссии о допустимости с этических позиций так называемых «следственных хитростей» и «ловушек». Мы полностью разделяем позицию

¹ Хайдуков, Н.П. Тактико-психологические основы воздействия на участвующих в деле лиц / Н.П. Хайдуков. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984. С. 65.

² Хайдуков, Н.П. Указ. соч. С. 72.

³ Замылин Е.И. Уголовно-правовые и этические критерии допустимости психологического воздействия при допросе (к вопросу о соблюдении прав и свобод человека и гражданина на следствии): учебное пособие / Е.И. Замылин, Н.В. Кальченко: – Волгоград: ВА МВД России, 2002. С. 8-9.

⁴ Баев, О.Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон: монография / О.Я. Баев. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1977. С. 96.

В.Е. Корноухова, называющего эти дискуссии псевдопроблемой. «Во-первых, любой тактический прием – тоже «хитрость»¹; во-вторых, если под «следственной хитростью» понимать эмпирически изобретенный способ действия каким-либо следователем, то вообще снимается проблема, поскольку, чтобы стать тактическим приемом, он должен применяться не в единственной ситуации, а иметь распространение; далее, он должен быть допустимым с точки зрения требований морали и основополагающих установлений уголовно-процессуального законодательства, теоретических конструкций уголовно-процессуальной науки»².

На сегодняшний день взамен термина «следственные хитрости» все чаще используется термин «маневрирование информацией», под которым понимается: 1) принятие решения о том, какая информация, в каком объеме и в какой момент может стать, известна предполагаемому преступнику и связанным с ним лицам, чтобы это не только не повредило, но и помогло достижению истины. В данном случае речь идет о временном, не нарушающем права, оставлении допрашиваемого в неведении относительно объема и содержания имеющейся информации³; 2) в качестве маневрирования информацией может рассматриваться «искусственная» привязка неложной по своей сути информации к конкретной ситуации в целях оказания определенного психологического воздействия на допрашиваемое лицо. Естественно, что в обоих случаях речь не идет о допущении лжи, фальсификации относительно фактических данных по конкретному делу,

¹ В.С. Шадрин изучивший значение и различия в смыслах слова «хитрый» приходит к выводу о том, что термин «следственные хитрости» необходимо исключить из терминологии, так как многозначность этого понятия может трактоваться следователями искаженно и использоваться «для получения желательных результатов допроса обманным путем». Шадрин, В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений: монография / В.С. Шадрин. М.: Юрлитинформ, 2000. С. 90. На наш взгляд, здесь критикуется не столько содержание «следственных хитростей», сколько само название (хотя оно действительно не самое удачное). Кроме того, высказывается необоснованные сомнения в профессиональных и общеобразовательных качествах следователей, в их способности правильно понимать русский язык и адекватно интерпретировать те или иные термины.

² Курс криминалистики. Общая часть / под ред. В.Е. Корноухова. – М.: Юрист, 2000. С. 395.

³ Подробнее см. Колесниченко, А.Н. К вопросу о специфике взаимодействия следователя и допрашиваемого / А.Н. Колесниченко, В.С. Комарков // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 8. – Киев, 1971. С. 32.

использование которых может повлечь юридически значимые последствия для обвиняемого.

В-третьих, актуальность и дискуссионный характер приобретает вопрос Р.С. Белкина сформулированный им в своей последней работе «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня» о том, что «не пора ли отказаться, наконец, от абстрактно-лицемерного утверждения о том, что всякий обман, к которому прибегает следователь или оперативный сотрудник, – аморален?»¹.

Возникновение данного вопроса обусловлено тем, что ряд ученых высказывают категоричную позицию о недопустимости какого-либо обмана, в какой бы то ни было форме, так как обман всегда безнравственен. Но как справедливо отмечают Е.И. Замылин и Н.В. Кальченко ««безупречная», «абсолютная» нравственность представляется явлением довольно утопичным, оторванным от реалий обыденной человеческой жизни»² и тем более от реалий работы следователя, деятельность которого, нередко, связана с необходимостью преодоления противодействия для достижения стоящих целей и задач за счет реализации адекватных тактических приемов и их комбинаций. «В этих условиях недопустимо лишать следователя любого тактического средства борьбы с преступностью только потому, что оно может вызвать сомнения в его абстрактной «моральной чистоте», понятие которой формулируется в безнадежном отрыве от жизни, от реальной следственной практики»³.

Отношение практических работников к допустимости обмана при реализации тактических приемов наглядно демонстрируют данные, приводимые Р.С. Белкиным. Так 75 % следователей считают обман допустимым, хотя и прибегают к нему в своей практике редко или вообще не

¹ Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня / Р.С. Белкин. – М.: НОРМА, 2001. С. 107.

² Замылин Е.И. Указ. соч. С. 25.

³ Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 115.

прибегают; 10% считают обман аморальным и недопустимым в следственной практике, указывая в то же время, что рекомендуемые в литературе «хитрости» и «ловушки» они не считают основанными на обмане. 15% респондентов в той или иной форме уклонились от прямого ответа. «К этому следует добавить, – пишет Р.С. Белкин, что некоторые из тех следователей, которые отрицают правомерность обмана, в личной беседе приводили подчас такие примеры, которые свидетельствовали об их нечетком представлении, об обмане или слишком узком толковании этого понятия»¹.

Приведенные данные свидетельствуют, что, сколько бы в теории не отрицалась допустимость всякого обмана, подавляющее большинство практических работников считают его допустимым и прибегают к нему всякий раз, когда в этом возникает необходимость. Объясняется это тем, что, во-первых, «при отсутствии в законе однозначного запрещения использовать обман при расследовании преступлений, вопрос о его допустимости целиком лежит в области морали»² и, следовательно, выбор такого тактического приема зависит от нравственных качеств самого следователя и возможности решения поставленной задачи другими тактическими приемами.

Во-вторых, многие тактические приемы, в основе которых лежит обман (например, в форме сокрытия информации)³ достаточно эффективны и порой являются единственным способом нейтрализации противодействия и достижения правовых и тактических целей. Если же следователь отказывается от таких тактических приемов, «если он педантично придерживается буквы одной моральной нормы, не соотнося ее с другими или вообще игнорируя их в сложившейся ситуации, то он становится рабом ложно принятой принципиальности. Это уже проявление этического догматизма, сущность

¹ Белкин, Р.С. Нравственные начала деятельности следователя органов внутренних дел: лекция / Р.С. Белкин. – М., 1999. С. 13.

² Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 111.

³ Такими приемами являются, например, широко и успешно применяемые на практике легендированный допрос с сокрытием истинной его цели за счет постановки косвенных, второстепенных вопросов; создание у допрашиваемого преувеличенного или наоборот уменьшенного представления об осведомленности следователя и т.п.

которого, по выражению Ю.В. Согомонова, состоит в том, что «объятые паническим страхом перед «злыми» средствами, мы остаемся с нашими неразлучными и благими целями... с нашим прекраснодушием, с милой, но не избыточной верой, будто все само собой утрясется»¹.

В-третьих, вопрос о выборе тактического приема, в котором не исключается обман, неизбежно приводит к нравственному конфликту, в котором, нередко, допущение обмана является меньшим «злом» и позволяет сохранить или достичь более значимые ценности.

На наш взгляд, вопрос состоит не в том, допустим ли обман со стороны следователя вообще, как таковой или нет. Мы разделяем позицию Р.С. Белкина о том, что обман принципиально допустим, но это не означает допущение любого обмана и в любой форме на основании принципа «цель оправдывает средства». Ю.П. Боруленков и Л.А. Дмитриева справедливо отмечают, что «следует разграничивать допускаемый законом тактический обман, связанный с применением приемов допроса, и процессуальный обман»². Вопрос заключается в определении ограничений допустимости обмана. Так, независимо от стоящих перед следователем целей и степени оказываемого противодействия, обман категорически недопустим и не может быть ничем оправдан, если он основывается:

- на правовой неосведомленности противостоящего следователю лица, на незнании им своих прав и обязанностей, на его ошибочных представлениях о правовых последствиях своих действий;

- на заведомо невыполнимых обещаниях этому лицу (нереальных льгот, незаконных послаблений или иных недопустимых выгод, неправомерного изменения меры пресечения на более легкую, неосновательного изменения процессуального статуса и т.п.);

¹ Цит. по Хайдуков, Н.П. Указ. соч. С. 71.

² Боруленков, Ю.П. Психологическое воздействие как инструмент юридического познания и доказывания / Ю.П. Боруленков, Л.А. Дмитриева // Библиотека криминалиста. Вып 2 (13), 2014. С. 151.

- на фальсифицированных доказательствах, специально изготовленных свидетельствах «признаний соучастников», фальсифицированных заключениях экспертов и т.п.;
- на дефектах психики подследственного и иных его болезненных состояниях;
- на мистико-религиозных предрассудках противостоящего следователю лица¹.

Указанные ограничения должны четко осознаваться следователями, так как: во-первых, они являются гранью между допустимым маневрированием информацией основанном на временном ее сокрытии с целью формирования определенных представлений для осуществления управляющего воздействия с одной стороны, и, откровенной ложью и фальсификацией, что, естественно, совершенно недопустимо, с другой стороны; во-вторых, игнорирование указанных ограничений превращает допустимое воздействие в недопустимое, так лишает допрашиваемого свободы самостоятельного выбора решений и поведения.

Использованные источники:

1. Баев, О.Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон: монография / О.Я. Баев. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1977.
2. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня / Р.С. Белкин. – М.: НОРМА, 2001.
3. Белкин, Р.С. Нравственные начала деятельности следователя органов внутренних дел: лекция / Р.С. Белкин. – М., 1999.
4. Боруленков, Ю.П. Психологическое воздействие как инструмент юридического познания и доказывания / Ю.П. Боруленков, Л.А. Дмитриева // Библиотека криминалиста. Вып 2 (13), 2014.

¹ См. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 113-114.

5. Замылин Е.И. Уголовно-правовые и этические критерии допустимости психологического воздействия при допросе (к вопросу о соблюдении прав и свобод человека и гражданина на следствии): учебное пособие / Е.И. Замылин, Н.В. Кальченко: – Волгоград: ВА МВД России. 2002.
6. Колесниченко, А.Н. К вопросу о специфике взаимодействия следователя и допрашиваемого / А.Н. Колесниченко, В.С. Комарков // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 8. – Киев, 1971.
7. Курс криминалистики. Общая часть / под ред. В.Е. Корноухова. – М.: Юристь, 2000.
8. Хайдуков, Н.П. Тактико-психологические основы воздействия на участвующих в деле лиц / Н.П. Хайдуков. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984.
9. Шадрин, В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений: монография / В.С. Шадрин. М.: Юрлитинформ, 2000.